
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СУЩНОСТЬ КАК РЕФЛЕКСИЯ
В САМОЙ СЕБЕ

Сущность происходит из бытия; постольку она не есть непосредственно в себе и для себя, а есть *результат* указанного выше движения. Иначе говоря, сущность, взятая прежде всего как непосредственная, есть определенное наличное бытие, которому противостоит другое наличное бытие: она лишь *существенное*⁸ наличное бытие в противоположность *несущественному*. Но сущность есть в себе и для себя снятое бытие; то, что ей противостоит, есть только *видимость*. Но видимость есть собственное полагание сущности.

Во-первых, сущность есть *рефлексия*. Рефлексия определяет себя; ее определения суть некая положенность⁹, которая в то же время есть рефлексия в себя;

во-вторых, надлежит рассмотреть эти *рефлексивные определения* или *определенные сущности* (die Wesenheiten)¹⁰;

в-третьих, сущность как рефлексия процесса определения в самое себя становится *основанием* и переходит в *существование* и *явление*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ВИДИМОСТЬ

Сущность, происходя из бытия, по видимости противопоставит ему; это непосредственное бытие, *во-первых*, есть то, что несущественно.

Однако оно, *во-вторых*, есть нечто большее, чем только несущественное, оно бытие, лишённое сущности, *видимость*.

В-третьих, эта видимость не есть нечто внешнее, иное по отношению к сущности, она собственная видимость сущности. Сущность как видимость (*das Scheinen des Wesens*) внутри самой себя есть *рефлексия*.

А. СУЩЕСТВЕННОЕ И НЕСУЩЕСТВЕННОЕ

Сущность есть *снятое бытие*. Она простое равенство с самой собой, но постольку, поскольку она *отрицание* сферы бытия вообще. Таким образом сущности противопоставит непосредственность как такая непосредственность, из которой она возникла и которая сохранилась и удержалась в этом снятии. Сама сущность есть в этом определении *сущая*, непосредственная сущность, а бытие — нечто отрицательное лишь *в соотношении* с сущностью, а не само по себе; сущность есть, следовательно, *определённое* отрицание. Таким образом бытие и сущность снова относятся между собой как *иные* вообще, ибо *каждое из них обладает бытием, непосредственностью*, безразличными друг к другу, и они равноценны со стороны этого бытия.

Но в то же время бытие противоположно сущности, есть *то, что несущественно*; по отношению к ней оно имеет определение снятого. Однако, поскольку оно отно-

сится к сущности лишь вообще как нечто иное, постольку сущность, собственно говоря, не сущность, а лишь иначе определенное наличное бытие, *существенное*.

Различие между существенным и несущественным вернуло сущность в сферу *наличного бытия*, ибо сущность, какова она ближайшим образом, определена относительно бытия как непосредственное сущее и тем самым лишена в основание, и то обстоятельство, что то, *что* бытие есть в этом наличном бытии, есть в-себе-и-для-себя-бытие, это — дальнейшее определение, внешнее самому наличному бытию; равно как и, наоборот, сущность есть, правда, в-себе-и-для-себя-бытие, но лишь по отношению к иному, в *определенном* смысле (Rücksicht). — Поэтому, поскольку в наличном бытии проводят различие между *существенным* и *несущественным*, это различие есть внешнее полагание, не затрагивающее самого наличного бытия обособление одной его части от другой, разъединение, имеющее место в чем-то *третьем*. При этом неясно, *что* принадлежит существенному и *что* несущественному. Это различие создается каким-то внешним соображением (Rücksicht) и рассуждением, и потому одно и то же содержание следует рассматривать то как существенное, то как несущественное.

При более внимательном рассмотрении оказывается, что сущность становится чем-то исключительно существенным в противоположность несущественному благодаря тому, что сущность взята лишь как снятое бытие или как снятое наличное бытие. Сущность есть таким образом лишь *первое* отрицание, иначе говоря, отрицание, представляющее собой *определенность*, благодаря которой бытие становится лишь наличным бытием или наличное бытие — лишь чем-то *иным*. Но сущность — это абсолютная отрицательность бытия; она само бытие, но не только определенное как нечто *иное*, а бытие, которое сняло себя и как непосредственное бытие, и как непосредственное отрицание, как отрицание, обремененное некоторым инобытием. Бытие или наличное бытие тем самым сохранилось не как иное, нежели сущность, и то непосредственное, которое еще отличается от сущности, есть не просто несущественное наличное бытие, но и *само по себе* ничтожное¹¹ непосредственное; оно лишь *не-сущность* (Unwesen), *видимость*.

В. ВИДИМОСТЬ

1. *Бытие есть видимость.* Бытие видимости состоит единственно лишь в снятости бытия, в ничтожности его; эту ничтожность оно имеет в сущности, и вне своей ничтожности, вне сущности ее нет. Видимость есть отрицательное, положенное как отрицательное.

Видимость — это весь остаток, еще сохранившийся от сферы бытия. Но по видимости она еще имеет независимую от сущности непосредственную сторону и есть вообще некоторое *иное* сущности. *Иное* содержит вообще оба момента — момент наличного бытия и момент его отсутствия. Так как несущественное уже не обладает бытием, то ему остается от инобытия лишь *чистый момент отсутствия наличного бытия*¹²; видимость есть это *непосредственное* отсутствие наличного бытия, причастное определенности бытия таким образом, что оно имеет наличное бытие лишь в соотношении с иным, лишь в отсутствии своего наличного бытия; она несамостоятельное, сущее лишь в своем отрицании. Следовательно, несущественному остается лишь чистая определенность *непосредственности*; оно дано как *рефлектированная* непосредственность, т. е. как такая, которая есть лишь *через посредство* своего отрицания и которая по отношению к своему *опосредствованию* есть не что иное, как пустое определение непосредственности отсутствия наличного бытия¹³.

Таким образом, *видимость* — «феномен» [в учении] *скептицизма* или же «явление» [в учении] идеализма — это такая *непосредственность*, которая не есть нечто или вещь, вообще не есть такое безразличное бытие, которое существовало бы вне своей определенности и соотношения с субъектом. «Есть» — этого скептицизм не позволял себе говорить; новейший идеализм не позволял себе рассматривать познание как знание о вещи-в-себе; эта видимость не должна была вообще иметь основой бытие, в это познание не должна была входить вещь-в-себе. Но вместе с тем скептицизм допускал многообразные определения своей видимости, или, вернее, его видимость имела своим содержанием все многообразное богатство мира. И точно так же «явление» идеализма охватывает собой всю совокупность этих многообразных определенностей¹⁴. Видимость у скептиков и явление у идеалистов новейшего времени *непосредственно* определены столь многообразно.

Пусть, стало быть, не лежит в основании этого содержания никакое бытие, никакая вещь или вещь-в-себе; это содержание остается само по себе таким, каково оно есть; оно лишь перемещено из бытия в видимость¹⁵, так что видимость имеет внутри самой себя те многообразные определенности, которые непосредственны, сущи и суть иные друг для друга. Видимость, следовательно, сама есть нечто *непосредственно* определенное. Она может иметь то или другое содержание; но, какое бы содержание она ни имела, это содержание не положено ею самой, а она имеет его непосредственно. Лейбницевский или кантовский, фихтевский идеализм, равно как и другие его формы, столь же мало, как и скептицизм, вышли за пределы бытия как определенности, за пределы этой непосредственности. *Скептицизму* содержание его видимости дано; каково бы оно ни было, оно для него *непосредственно*. *Лейбницевская монада* развивает из самой себя свои представления; но она не [их] порождающая и связующая сила, а они всплывают в ней, как пузыри; они безразличны, непосредственны по отношению друг к другу, а следовательно, и по отношению к самой монаде. Точно так же и *кантовское* явление — это *данное* содержание восприятия¹⁶, предполагающее воздействия, определения субъекта, которые по отношению к самим себе и по отношению к субъекту непосредственны. Бесконечный импульс¹⁷ *фихтевского* идеализма не имеет, правда, в своем основании никакой вещи-в-себе, так что он становится исключительно некоторой определенностью в «Я». Но для «Я», делающего эту определенность своей и снимающего ее внешний характер, она есть в то же время *непосредственная* определенность, *предел* «Я», за который «Я» может выйти, но который имеет в себе сторону безразличия, с которой этот предел, хотя он и имеется в «Я», все же содержит *непосредственное* небытие последнего.

2. Видимость, следовательно, содержит некоторую непосредственную предпосылку, некоторую сторону, независимую по отношению к сущности. Но поскольку видимость отлична от сущности, нельзя показать, что она снимает себя и возвращается в сущность; ведь бытие в своей целокупности возвратилось в сущность; видимость есть ничтожное в себе; следует только показать, что определения, отличающие ее от сущности, — это определения

самой сущности и, далее, что определенность сущности, составляющая видимость, снята в самой сущности.

Непосредственность *небытия* есть как раз то, что составляет видимость; но это небытие есть не что иное, как отрицательность сущности в ней самой. Бытие есть небытие в сущности. Его *ничтожность* в себе есть *отрицательная природа самой сущности*¹⁸. Непосредственность же или безразличие, которые содержатся в этом небытии, есть собственное абсолютное в-себе-бытие сущности. Отрицательность сущности — это ее равенство с самой собой, иначе говоря, ее простая непосредственность и безразличие. Бытие сохранилось в сущности, поскольку сущность имеет в своей бесконечной отрицательности это равенство с самой собой; в силу этого сущность сама есть бытие. Непосредственность, которую определенность имеет в видимости в противоположность сущности, есть поэтому не что иное, как собственная непосредственность сущности, но не сущая непосредственность, а совершенно опосредствованная, или рефлексированная, непосредственность, составляющая видимость, — бытие не как бытие, а лишь как определенность бытия в противоположность опосредствованию: бытие как момент.

Оба этих момента — ничтожность, но как удерживание (*Bestehen*)¹⁹, и бытие, но как момент, иначе говоря, сущая в себе отрицательность и рефлексированная непосредственность, составляющие *моменты видимости*, — суть тем самым *моменты самой сущности*; нет видимости бытия в сущности или видимости сущности в бытии; видимость внутри сущности не есть видимость чего-то иного, она *видимость в себе, видимость самой сущности*.

Видимость — это сама сущность в определенности бытия. То, благодаря чему сущность имеет некоторую видимость, состоит в том, что сущность *определена* внутри себя и вследствие этого отличается от своего абсолютного единства. Но эта определенность так же всецело снята в самой себе. Ибо сущность есть то, что самостоятельно, т. е. то, что опосредствует себя с собой своим отрицанием, которое есть она же сама; следовательно, она тождественное единство абсолютной отрицательности и непосредственности. — Отрицательность — это отрицательность в себе; она свое соотношение с собой; таким образом, она непосредственность в себе. Но она отрицательное соотношение с собой, отталкивающее отрицание самой себя;

таким образом, в себе сущая непосредственность есть отрицательное или *определенное* по отношению к ней. Но сама эта определенность есть абсолютная отрицательность и процесс определения, который непосредственно как процесс определения есть снятие самого себя, возвращение в себя.

Видимость есть отрицательное (*das Negative*), обладающее бытием, но в чем-то ином, в своем отрицании; она несамостоятельность, снятая в самой себе и ничтожная. Таким образом, она возвращающееся в себя отрицательное, несамостоятельное как в самом себе несамостоятельное. Это *соотношение* отрицательного или несамостоятельности с собой есть его *непосредственность*; это соотношение есть нечто *иное*, нежели само это отрицательное; оно определенность отрицательного по отношению к себе; иначе говоря, оно отрицание по отношению к отрицательному. Но отрицание по отношению к отрицательному есть отрицательность, соотносящаяся лишь с собой, абсолютное снятие самой определенности.

Стало быть, *определенность*, составляющая видимость внутри сущности, есть бесконечная определенность; она лишь сливающееся с собой отрицательное²⁰; она, таким образом, определенность, которая, как таковая, есть самостоятельность и не определена. — Наоборот, самостоятельность как соотносящаяся с собой *непосредственность* есть также всецело определенность и момент и дана лишь как соотносящаяся с собой отрицательность. — Эта отрицательность, тождественная с непосредственностью, и, таким образом, непосредственность, тождественная с отрицательностью, есть *сущность*. Видимость, стало быть, есть сама сущность, но сущность в некоторой определенности, притом так, что эта определенность есть лишь ее момент, и *сущность* есть видимость себя внутри самой себя (*ist das Scheinen seiner in sich selbst*)²¹.

В сфере бытия в противоположность бытию как *непосредственному* возникает небытие равным образом как *непосредственное*, и их истина — становление. В сфере сущности оказываются сначала противостоящими друг другу сущность и несущественное, а затем сущность и видимость — несущественное и видимость как остатки бытия. Но и несущественное, и видимость, равно как и отличие сущности от них, состоят только в том, что сущность сначала берется как *непосредственное*, не так, какова она

в себе, т. е. не как непосредственность, которая есть непосредственность как чистое опосредствование, или как абсолютная отрицательность. Та первая непосредственность есть, следовательно, лишь *определенность* непосредственности. Снятие этой определенности сущности состоит поэтому лишь в показе того, что несущественное — это лишь видимость и что сущность, напротив, содержит внутри себя видимость как бесконечное внутреннее движение, которое определяет ее непосредственность как отрицательность, а ее отрицательность — как непосредственность, и, таким образом, есть видимость себя внутри самой себя. В этом своем самодвижении сущность есть *рефлексия*.

С. РЕФЛЕКСИЯ

Видимость — это то же, что *рефлексия*; но она рефлексия как *непосредственная*; для видимости, вошедшей в себя и тем самым отчужденной от своей непосредственности, мы имеем иностранное слово «рефлексия».

Сущность — это рефлексия, движение становления и перехода, остающегося внутри самого себя, движение, в котором различное всецело определено только как отрицательное в себе, как видимость.

Определенность становления бытия имеет основанием бытие, и она есть соотношение с *иным*. Напротив, рефлектирующее движение — это иное как *отрицание в себе*, обладающее бытием лишь как соотносящееся с собой отрицание. Иначе говоря, так как это соотношение с собой есть именно это подвергание отрицания отрицанию, то имеется *отрицание как отрицание*, как нечто такое, что имеет свое бытие, будучи подвергнуто отрицанию, имеет свое бытие как видимость. Следовательно, иное есть здесь не *бытие с отрицанием* или границей, а *отрицание с отрицанием*. Но *первое* по отношению к этому иному, непосредственное или бытие, есть лишь само это равенство отрицания с собой, отрицание, подвергшееся отрицанию, абсолютная отрицательность. Это равенство с собой или *непосредственность* не есть поэтому ни *первое*, с которого начинают и которое [затем] перешло бы в свое отрицание, ни сущий субстрат, который проходил бы сквозь рефлекссию, а непосредственность есть лишь само это движение.

Становление в сущности, ее рефлектирующее движение, есть поэтому *движение от ничто к ничто и тем са-*

мым движение *обратно к самой себе*²². Переход или становление снимают себя в своем переходе; иное, которое становится в этом переходе, не есть небытие некоторого бытия, а ничто некоторого ничто, и это — то, что оно отрицание некоторого ничто, — и составляет бытие. — Бытие дано [здесь] лишь как движение ничто (des Nichts) к ничто; в таком случае оно сущность; сущность же не имеет этого движения *внутри себя*, а есть это движение как сама абсолютная видимость, чистая отрицательность, не имеющая вовне себя ничего такого, что она отрицала бы, а лишь отрицающая само свое отрицательное, сущее только в этом подвергании отрицанию.

Эта чистая абсолютная рефлексия, которая есть движение от ничто к ничто, сама определяет себя далее.

Она, *во-первых, полагающая рефлексия;*

она, *во-вторых, начинает с предположенного непосредственного* и есть, таким образом, *внешняя рефлексия.*

В-третьих, однако, она снимает это предположение, и, *будучи в то же время* в этом снятии предположения предполагающей, она есть *определяющая рефлексия.*

1. Полагающая рефлексия

Видимость есть то, что ничтожно, или то, что лишено сущности; но ничтожное или лишенное сущности не имеет своего бытия в *ином*, в котором оно есть видимость (in dem es scheint), а его бытие есть его собственное равенство с собой; это чередование отрицательного с самим собой определилось как абсолютная рефлексия сущности.

Эта соотносящаяся с собой отрицательность есть, следовательно, подвергание отрицанию самой себя. Она тем самым вообще настолько же *снятая* отрицательность, насколько она отрицательность. Иначе говоря, она сама и отрицательное (das Negative), и простое равенство с собой или непосредственность. Следовательно, она состоит в том, что она есть *она сама* и не есть *она сама*, и при этом в одном единстве.

Рефлексия — это прежде всего движение ничто к ничто и тем самым сливающееся с самим собой отрицание. Это слияние с собой есть вообще простое равенство с собой, непосредственность. Но это совпадение не есть переход отрицания в равенство с собой как переход в свое *иное бытие*, а рефлексия — это переход как снятие перехода,

ибо она есть непосредственное совпадение отрицательного с самим собой. Таким образом, это слияние есть, *во-первых*, равенство с собой или непосредственность, но, *во-вторых*, эта непосредственность есть равенство отрицательного с собой и тем самым равенство, отрицающее само себя; это непосредственность, которая есть в себе отрицательное, отрицательное самой себя, состоящее в том, чтобы быть тем, что она не есть.

Соотношение отрицательного с самим собой есть, следовательно, его возвращение в себя; это соотношение есть непосредственность как снятие отрицательного, но непосредственность всецело лишь как это соотношение или как *возвращение из чего-либо* (aus Einem) и тем самым как снимающая самое себя непосредственность. — Это *положенность*, непосредственность исключительно как *определенность* или как рефлектирующая себя. Эта непосредственность, сущая лишь как *возвращение* отрицательного в себя, есть та непосредственность, которая составляет определенность видимости и с которой, как казалось раньше, начинается рефлектирующее движение. Но невозможно начинать с этой непосредственности, скорее она дана лишь как возвращение или как сама рефлексия. Рефлексия, стало быть, — это движение, которое, будучи возвращением, лишь в этом возвращении есть то, что начинается, или то, что возвращается.

Рефлексия есть *полагание*, поскольку она непосредственность как возвращение; а именно, [здесь] нет никакого иного — ни такого, из которого она возвращалась бы, ни такого, в которое она возвращалась бы; следовательно, рефлексия дана лишь как возвращение или как отрицательное самой себя. Но далее, эта непосредственность есть снятое отрицание и снятое возвращение в себя. Как снятие отрицательного рефлексия есть снятие *своего иного*, непосредственности. Следовательно, так как она непосредственность как возвращение, слияние отрицательного с самим собой, то она также и отрицание отрицательного как отрицательного. Таким образом, она *предполагание*. — Иначе говоря, непосредственность как возвращение есть лишь отрицательное самой себя, она состоит лишь в том, что она не есть непосредственность; но рефлексия есть снятие отрицательного самого себя, она слияние с собой; следовательно, она снимает свое полагание, и так как в своем полагании она есть снятие полагания,

то она предполагает. — В предположении рефлексия определяет возвращение в себя как отрицательное самой себя, как то, снятие чего есть сущность. Сущность есть свое отношение к самой себе, но к себе как к своему отрицательному; лишь таким образом она остающаяся внутри себя, соотносящаяся с собой отрицательность. Непосредственность выступает вообще лишь как возвращение и есть то отрицательное, которое есть видимость начала, подвергающегося отрицанию через возвращение. Возвращение сущности есть тем самым ее отталкивание себя от самой себя. Иначе говоря, рефлексия в себя есть по своему существу предположение того, возвращение из чего есть рефлексия.

Единственно благодаря снятию своего равенства с собой сущность есть равенство с собой. Она предполагает самое себя, и снятие этого предположения есть она сама, и, наоборот, снятие ее предположения есть само это предположение. — Рефлексия, стало быть, *находит* в *наличии* нечто непосредственное, она выходит за его пределы и есть возвращение из него. Но лишь это возвращение есть предположение найденного в наличии. Это найденное в наличии становится лишь вследствие того, что его *покидают*; его непосредственность есть снятая непосредственность. — Снятая непосредственность есть, наоборот, возвращение в себя, *приход* сущности к себе, простое бытие, равное самому себе. Тем самым этот приход к себе есть снятие себя и отталкивающая от самой себя, предполагающая рефлексия, а ее отталкивание от себя есть приход к самой себе.

Рефлектирующее движение, стало быть, следует, согласно сказанному, понимать как *абсолютное самоотталкивание* (Gegenstoss) внутри самого себя. Ибо предположение возврата в себя — то, из чего *происходит* сущность и что дано лишь как это возвращение, — имеется лишь в самом возвращении. Выхождение за пределы непосредственного, с которого начинает рефлексия, есть скорее лишь через это выхождение; и выхождение за пределы непосредственного есть приход к нему. Движение как процесс поворачивается непосредственно в самом себе, и лишь таким образом оно *самодвижение* — движение, исходящее из себя, поскольку *полагающая* рефлексия есть *предполагающая*, но, будучи *предполагающей*, рефлексия есть всецело *полагающая*.

Таким образом, рефлексия есть и она сама, и ее небытие, и она есть она сама, лишь поскольку она свое собственное отрицательное, ибо только таким образом снятие отрицательного есть в то же время слияние с собой.

Непосредственность, которую рефлексия предполагает себе как снятие, дана всецело лишь как *положенность*, как снятое *в себе*, которое не отличается от возвращения в себя и само есть только это возвращение. Но оно в то же время определено как *отрицательное*, как непосредственно *противостоящее* чему-то (*gegen eines*), следовательно, как противостоящее чему-то иному. Таким образом, рефлексия *определена*; поскольку она сообразно с этой определенностью *имеет* некоторое предположение и начинается с непосредственного как своего иного, она *внешняя рефлексия*.

2. Внешняя рефлексия

Рефлексия как абсолютная рефлексия — это сущность, имеющая видимость (*das scheinende Wesen*) в самой себе, и предполагает себе только видимость, положенность; как предполагающая, она непосредственно лишь полагающая рефлексия. Но внешняя или реальная рефлексия предполагает себя как снятую, как свое собственное отрицательное. В этом определении она двойка: во-первых, как то, что предполагаемо, иначе говоря, как рефлексия в себя, которая есть то, что непосредственно; во-вторых, она рефлексия, отрицательно соотносящаяся с собой; она соотносится с собой как со своим небытием.

Внешняя рефлексия, следовательно, *предполагает* некоторое бытие, *во-первых*, не в том смысле, что его непосредственность есть лишь положенность или момент, а скорее в том смысле, что эта непосредственность есть соотношение с собой, и определенность дана лишь как момент. Она соотносится со своим предположением таким образом, что это предположение есть отрицательное рефлексии, но так, что это отрицательное *как* отрицательное снято. — Рефлексия в своем полагании непосредственно снимает свое полагание; таким образом, она имеет некоторое *непосредственное предположение*. Она, стало быть, *находит в наличии* это полагание как нечто такое, с чего она начинается, и, лишь исходя из него, она есть возвра-

щение в себя, отрицание этого своего отрицательного. Но то, что это предположенное есть отрицательное или полагаемое, не касается предположенного; эта определенность принадлежит только полагающей рефлексии, но в предположении положенность дана лишь как снятая. Постольку то, что внешняя рефлексия определяет и полагает в непосредственном, — это определения, внешние непосредственному. — В сфере бытия она была бесконечным; конечное признается первым, реальным, с чего начинают как с лежащего и продолжающего лежать в основании, а бесконечное — это противостоящая рефлексия в себя.

Эта внешняя рефлексия есть заключение, в котором двумя полюсами служат непосредственное и рефлексия в себя; его серединой служит соотношение этих двух полюсов, определенное непосредственное, так что одна часть этого определенного непосредственного, непосредственность, присуща лишь одному полюсу, а другая, определенность или отрицание, — лишь другому.

Но при ближайшем рассмотрении действия внешней рефлексии оказывается, что она есть, *во-вторых*, полагание непосредственного, становящегося вследствие этого отрицательным или определенным [моментом]; но она есть непосредственно также и снятие этого своего полагания, ибо она *предполагает* непосредственное; отрицая, она отрицает это свое отрицание. Но тем самым она непосредственно также и *полагание*, снятие отрицательного по отношению к ней непосредственного, и это непосредственное, с которого, казалось, она начинала как с чего-то чуждого, имеется лишь в этом ее начинании. Непосредственное есть, таким образом, *то же*, что рефлексия, не только *в себе* (что означало бы: для нас или во внешней рефлексии), но и *положено*, что оно то же самое. А именно, оно определено рефлексией как ее отрицательное, иначе говоря, как ее иное, но она же сама и подвергает отрицанию этот процесс определения. — Тем самым внешний характер рефлексии по отношению к непосредственному снят, полагание рефлексии, отрицающее само себя, есть слияние ее с ее отрицательным, с непосредственным, и это слияние есть сама существенная непосредственность. — Выходит, следовательно, что внешняя рефлексия есть не внешняя, а столь же имманентная рефлексия самой непосредственности или что то, что есть через пола-

гающую рефлексию, есть сущность, в себе и для себя сущая. Таким образом, она *определяющая рефлексия*.

Примечание

Рефлексия обычно понимается в субъективном смысле, как движение способности суждения, выходящей за пределы данного непосредственного представления и ищущей для него или сравнивающей с ним всеобщие определения.

Кант противопоставляет *рефлектирующую способность суждения определяющей* (Kritik der Urteilskraft. Введение, стр. XXIII и сл.)²³. Он определяет способность суждения вообще как способность *мыслить особенное как подчиненное общему*. Если дано *общее* (правило, принцип, закон), то способность суждения, которая подводит под него особенное, есть *определяющая* способность. Если же дано лишь особенное, для которого она должна найти *общее*, то способность суждения есть лишь *рефлектирующая* способность²⁴. — Рефлексия, стало быть, есть здесь равным образом выхождение за пределы непосредственного к общему. С одной стороны, непосредственное определяется как особенное только благодаря этому своему соотношению со своим общим; само по себе оно лишь нечто единичное или нечто непосредственно сущее. С другой же стороны, то, с чем его соотносят, есть его общее, его правило, принцип, закон, вообще рефлектированное в себя, соотносящееся с самим собой, сущность или существенное.

Но здесь идет речь не о рефлексии сознания и не о более определенной рефлексии рассудка, имеющей своими определениями особенное и общее, а о рефлексии вообще²⁵. Та рефлексия, которой Кант приписывает нахождение общего для данного особенного, есть, как явствует, равным образом только *внешняя рефлексия*, соотносящаяся с непосредственным как с данным. — Но в ней заключено также понятие абсолютной рефлексии, ибо то общее, принцип или правило и закон, к которому она затем, определяя, переходит, признается сущностью того непосредственного, с которого начинают, тем самым непосредственное признается ничтожным, и только возвращение из него, процесс определения, совершаемый рефлексией, признается полаганием непосредственного по его истинному бытию; следовательно, то, что рефлексия де-

лает с ним, и определения, которые исходят от нее, признаются не чем-то внешним этому непосредственному, а его собственным бытием.

Именно внешнюю рефлексивность имели в виду, когда рефлексии (как это некоторое время было принято в новейшей философии) приписывалось вообще все дурное и она со своим способом определения (*ihrer Bestimmen*) считалась антиподом и заклятым врагом абсолютного метода рассмотрения²⁶. И в самом деле, мыслящая рефлексия, поскольку она действует как внешняя, также всецело исходит из данного, чуждого ей непосредственного и рассматривает себя как чисто формальное действие, которое получает содержание и материю извне, а само по себе есть лишь обусловленное ими движение. — Далее, как мы в этом тотчас убедимся при более тщательном рассмотрении определяющей рефлексии, *рефлектированные определения* — это определения другого рода, чем чисто непосредственные определения бытия. Последние легче признать преходящими, только относительными, находящимися в соотношении с иным; рефлектированные же определения имеют форму в-себе-и-для-себя-бытия; поэтому они выступают как *существенные*, и, вместо того чтобы быть преходящими в свою противоположность, они являют себя, наоборот, как абсолютные, свободные и безразличные друг к другу. Поэтому они упорно противятся своему движению; их *бытие* есть их тождество с собой в их определенности, сообразно с которой они хотя и предполагают друг друга, но сохраняются в этом соотношении совершенно отдельными.

3. Определяющая рефлексия

Определяющая рефлексия есть вообще единство *полагающей и внешней* рефлексии. Это следует рассмотреть подробнее.

1. Внешняя рефлексия начинается с непосредственного бытия, *полагающая* же — с ничто²⁷. Внешняя рефлексия, которая становится определяющей, полагает нечто иное, но это иное есть сущность, а не снятое бытие; полагание полагает свое определение не вместо иного; оно не имеет никакого предположения. Но это не означает, что оно законченная, определяющая рефлексия; определение, которое оно полагает, есть поэтому *только* нечто поло-

женное; оно непосредственное, но не как равное самому себе, а как отрицающее себя; оно находится в абсолютном соотношении с возвращением в себя²⁸; оно только в рефлексии в себя, но оно не сама эта рефлексия.

Положенное есть поэтому нечто *иное*, но так, что равенство рефлексии с собой безусловно сохраняется, ибо положенное дано лишь как снятое, как соотношение с возвращением в само себя. — *В сфере бытия наличное бытие* было бытием, имевшим отрицание в самом себе, и бытие было непосредственной почвой и стихией этого отрицания, которое поэтому само было непосредственным. В *сфере сущности* наличному бытию соответствует *положенность*. Она также наличное бытие, но ее почва — бытие как сущность или как чистая отрицательность; она определенность или отрицание не как сущая, а непосредственно как снятая. *Наличное бытие есть лишь положенность*, таково положение сущности о наличном бытии. Положенность противостоит, с одной стороны, наличному бытию, а с другой — сущности, и ее следует рассматривать как середину, связывающую наличное бытие с сущностью и, наоборот, сущность с наличным бытием. — Поэтому, когда говорят, что то или другое определение есть *только* положенность, это может иметь двойкий смысл: оно таково или в противоположность наличному бытию, или в противоположность сущности. В первом смысле наличное бытие принимается за нечто высшее, чем положенность, и последняя приписывается внешней рефлексии, субъективному. На самом же деле положенность есть нечто высшее, ибо как положенность наличное бытие (как то, что оно есть в себе, как отрицательное) есть нечто всецело соотношенное только с возвращением в себя. Поэтому положенность есть положенность *только* по отношению к сущности, как отрицание возвращенности в самое себя.

2. Положенность еще не есть определение рефлексии; она лишь определенность как отрицание вообще. Но полагание достигло теперь единства с внешней рефлексией; последняя есть в этом единстве абсолютное предположение, т. е. отталкивание рефлексии от самой себя, иначе говоря, полагание определенности *как ее самой*. Поэтому положенность, как таковая, есть отрицание; но, как предположенное, отрицание рефлексировано в себя. Таким образом, положенность есть *рефлексивное определение*.

Рефлексивное определение отлично от определенности бытия, от качества; качество — это непосредственное соотношение с иным вообще; положенность также есть соотношение с иным, но с рефлексивностью в себя. Отрицание как качество есть отрицание как *сущее*; бытие составляет его основание и стихию. Рефлексивное же определение имеет этим основанием рефлексивность в самое себя. Положенность фиксируется как определение именно потому, что рефлексия, будучи подвергнута отрицанию, есть равенство с самой собой; поэтому ее подвергнутость отрицанию сама есть рефлексия в себя. Определение удерживается (*besteht*) здесь не через бытие, а через свое равенство с собой. Так как бытие, как носитель качества, неравно отрицанию, то качество внутренне неравно и потому есть преходящий момент, исчезающий в ином. Рефлексивное же определение есть положенность *как* отрицание, отрицание, имеющее своим основанием подвергнутость отрицанию, стало быть, не есть внутренне неравно себе, тем самым оно *существенная*, а не преходящая определенность. *Равенство рефлексии самой себе*, в которой отрицательное содержится только как отрицательное, как снятое или положенное, как раз и сообщает этому отрицательному устойчивость (*Bestehen*).

В силу этой рефлексии в себя рефлексивные определения являются свободными, витающими в пустоте *определенными сущностями* (*Wesenheiten*), не притягивающими и не отталкивающими друг друга. В них определенность укрепилась и бесконечно фиксировалась через соотношение с собой. Именно определенное подчинило себе свой переход и свою чистую положенность, иначе говоря, свою рефлексивность в иное превратило (*umgebogen hat*) в рефлексивность в себя. Эти определения образуют тем самым определенную видимость, какова она в сущности, — существенную видимость. Поэтому *определяющая рефлексия* есть рефлексия, перешедшая вон себя; равенство сущности с самой собой исчезло в отрицании, которое теперь господствует.

В рефлексивном определении имеются, следовательно, две стороны, которые вначале различаются между собой. *Во-первых*, оно положенность, отрицание, как таковое; *во-вторых*, оно рефлексия в себя. Как положенность оно отрицание как отрицание; это, стало быть, уже есть его

единство с самим собой. Но оно таково лишь *в себе*; иначе говоря, оно непосредственное как снимающее себя в самом себе, как иное самого себя. — Постольку рефлексия есть остающийся внутри себя процесс определения. В ней сущность не выходит вовне себя; различия всецело *положены*, приняты обратно в сущность. Но с другой стороны, они не положенные, а рефлексированные в самих себя; отрицание *как* отрицание рефлексировано в равенство с самим собой, а не в свое иное, не в свое небытие.

3. Если же рефлексивное определение есть и соотношение, рефлексированное в само себя, и положенность, то непосредственно отсюда природа его уясняется больше. А именно, как положенность рефлексивное определение есть отрицание, как таковое, небытие, противостоящее иному, а именно *противостоящее* абсолютной рефлексии в себя или противостоящее сущности. Но как соотношение с собой оно рефлексировано в себя. — Эта его рефлексия и та его положенность различны; его положенность, наоборот, есть его снятость; его же рефлексированность в себя — его устойчивость. Следовательно, поскольку именно положенность и есть в то же время рефлексия в самое себя, определенность рефлексии есть *соотношение со своим инобытием в самой себе*. — Она дана не как сущая, покоящаяся определенность, которую соотносили бы с иным, так что соотношенное и его соотношение оказались бы отличными друг от друга, причем первое было бы внутри-себя-сущим, некоторым нечто, исключаящим из себя свое иное и свое соотношение с этим иным. Дело обстоит так, что рефлексивное определение есть в самом себе *определенная сторона и соотношение* этой определенной стороны как определенной, т. е. соотношение с ее отрицанием. — Благодаря своему соотношению качество переходит в иное; в его соотношении начинается его изменение. Рефлексивное же определение приняло свое инобытие обратно в себя. Оно *положенность*, отрицание, которое, однако, повертывает соотношение с иным внутрь себя; и отрицание, которое равно самому себе, есть единство его самого и его иного и только поэтому — *определенная сущность* (Wesenheit). Следовательно, рефлексивное определение есть положенность, отрицание, но как рефлексия в себя оно в то же время снятость этой положенности, бесконечное соотношение с собой.